

Научная статья
УДК 821
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365
EDN: SDWUZM

ТЕМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА И ДЕГРАДАЦИИ СОЦИУМА В ЛИРИКЕ ЕТИМА ЭМИНА

Руслан Гаджимурадович Кадимов¹, Зарема Нажмудиновна Чукуева²

¹ Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, Махачкала, Россия, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>

² Чеченский государственный педагогический университет, Грозный, Россия, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1831-0380>

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу ключевой темы в лирике классика дагестанской (лезгинской) поэзии Етима Эмина – трагического переплетения экзистенциального одиночества личности и деградации социума. Исследование раскрывает, как укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли поэтический дискурс Эмина осмысливает дружбу как высшую духовную ценность, чья утрата (через смерть, забвение или предательство) оборачивается для лирического героя онтологической катастрофой и метафизической покинутостью в брэнном мире (фана). Параллельно анализируется выступление поэта в роли беспощадного диагноста социального кризиса: эрозии морали, торжества зависти и корысти, девальвации знания (илим) и духовности, что характеризуется как состояние «развращенных народов». Статья доказывает глубинную причинно-следственную связь этих тем: патологии деградирующего общества представлены как коренная причина страданий и изоляции индивида, чья личная драма является симптомом общего кризиса гуманизма. На материале детального разбора стихотворений исследуются художественные средства воплощения трагедии: использование жанров элегии, плача и газели, контрастной метафорики («мир-фана», «яма горя», «черное сердце»), антитезы, лексических удвоений (биномов), навязчивых редифов и повторов, создающих ритм скорби. Особое внимание уделяется суфийскому подтексту, легитимизирующему обращение к умершим друзьям и формирующему основу для духовного сопротивления через веру и верность идеалу. Делается вывод о поэзии Эмина как реквиеме по утраченной гармонии и гуманистическом свидетельстве о трагическом уделе человека в эпоху распада связей и ценностей, сохраняющем философскую глубину и художественную силу.

Ключевые слова: Етим Эмин, суфийский подтекст, лирический герой, тема, экзистенциализм, дискурс, поэтика.

Для цитирования: Кадимов Р.Г., Чукуева З.Н. Тема экзистенциального одиночества и деградации социума в лирике Етима Эмина // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 3. – С. 358-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365. EDN: SDWUZM.

© Кадимов Р.Г., Чукуева З.Н., 2025

Original article

THE TOPIC OF EXISTENTIAL ALONE-NESS
AND SOCIAL DEGRADATION IN ETIM EMIN'S LYRICS

Ruslan G. Kadimov¹, Zarema N. Chukueva²

¹ Dagestan State Pedagogical University R. Gamzatov, Makhachkala, Russia, ruslankadimov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8743-8106>

² Chechen State Pedagogical University, Grozny, Russia, turkdgpu@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-1831-0380>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the key theme in the lyrics of the classic of Dagestani (Lezgin) poetry Yetim Emin – the tragic interweaving of the existential loneliness of the individual and the degradation of society. The study reveals how Emin's poetic discourse, rooted in the traditions of Lezgin literature and Sufi thought, conceptualizes friendship as the highest spiritual value, the loss of which (through death, oblivion or betrayal) turns into an ontological catastrophe and metaphysical abandonment in the mortal world (fana) for the lyrical hero. In parallel, the poet's performance as a merciless diagnostician of the social crisis is analyzed: the erosion of morality, the triumph of envy and self-interest, the devaluation of knowledge (ilim) and spirituality, which is characterized as the state of "corrupted peoples". The article proves the deep cause-and-effect relationship of these themes: the pathologies of a degrading society are presented as the root cause of suffering and isolation of an individual, whose personal drama is a symptom of the general crisis of humanism. Based on a detailed analysis of the poems, the author examines the artistic means of embodying the tragedy: the use of the genres of elegy, lamentation and ghazal, contrasting metaphors ("mir-fana", "pit of grief", "black heart"), antithesis, lexical doublings (binomes), obsessive redifs and repetitions that create a rhythm of grief. Particular attention is paid to the Sufi subtext, legitimizing the appeal to deceased friends and forming the basis for spiritual resistance through faith and loyalty to the ideal. A conclusion is made about Emin's poetry as a requiem for lost harmony and a humanistic testimony to the tragic fate of man in the era of the disintegration of connections and values, preserving philosophical depth and artistic power.

Key words: Yetim Emin, Sufi subtext, lyrical hero, theme, existentialism, discourse, poetics.

For citation: Kadimov R.G., Chukueva Z.N. The topic of existential alone-ness and social degradation in Etim Emin's lyrics. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 3. – P. 358-365. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-3-358-365. EDN: SDWUZM.

© Kadimov R.G., Chukueva Z.N., 2025

Введение

Творчество Етима Эмина, классика дагестанской (лезгинской) поэзии XIX в., представляет собой уникальный синтез глубокой философской рефлексии и эмоциональной лирической силы, укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли. Его поэтический дискурс последовательно исследует трагические аспекты человеческого существования, центрируясь на переживании экзистенциального одиночества личности, обостренного на фоне острого социокультурного кризиса современного ему общества. Эмин осмысливает дружбу не просто как человеческую привязанность, но как высшую духовную ценность, «золотую казну» бытия (в духе Абу Али ибн Сины), чья утрата – будь то через смерть, забвение или предательство – оборачивается для лирического героя онтологической катастрофой, разрушением самой ткани мира. Это одиночество носит не только личный, но и метафизический характер, усугубляясь ощущением бренности мира (фана), покинутости перед лицом Божьего суда (Зулжалал) и превращением некогда «просторного мира» во враждебную, тесную пустыню существования.

Параллельно и неразрывно с темой одиночества развивается беспощадная критика поэтом деградации социума: Эмин фиксирует эрозию морали, торжество зависти, лицемерия и корысти, девальвацию знания и подлинной духовности, характеризуя состояние общества как массовое нравственное падение, где утрачены уважение и нравственность, а герой ощущает себя осажденным «сотнями врагов».

Ключевым аспектом поэзии Эмина является выявление глубинной взаимосвязи этих тем: патологии деградирующего социума (распад связей, эрозия ценностей) выступают коренной причиной экзистенциального одиночества и страданий индивида, чья личная драма становится симптомом и зеркалом общего кризиса гуманизма. Для воплощения этой трагической картины Эмин мастерски использует арсенал восточной поэтики (жанры элегии, плача, газели), насыщая свои стихи мощными художественными средствами: риторическими вопросами, контрастными метафорами и символами («мир-фана», «яма горя», «черное сердце»), антитезой, характерными лексическими удвоениями (бинамами: «салам-дуьа», «гьам-хажалат»), навязчивыми редирами и повторами, создающими ритм скорби.

Суфийский подтекст легитимизирует обращение к умершим друзьям как к заступникам в инобытии и формирует основу для духовного сопротивления через веру, память и верность идеалу дружбы среди руин социума.

Данная статья предлагает детальный анализ этой центральной для поэтики Эмина дихотомии – экзистенциального одиночества и социокультурной деградации – на материале ключевых стихотворений («Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?», «Приветствую вас...», «Весть отправь другу», «Неужели я не нужен?»), раскрывая их философскую глубину, художественное своеобразие и непреходящую гуманистическую значимость как реквиема по утраченной гармонии и свидетельства о трагическом уделе человека.

Основная часть

Поэзия Етима Эмина пронизана глубоким осмыслением экзистенциального одиночества человека на фоне социокультурного кризиса, образуя трагическую картину человеческого существования. Экзистенциальное одиночество у Эмина имеет глубокие истоки и многообразные проявления.

Поэтический дискурс Етима Эмина, укорененный в традициях лезгинской литературы и суфийской мысли, последовательно исследует тему дружбы как высшей духовной ценности и трагедию ее утраты. Стихотворение «Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?» («Азиз дустар, килигдачни зи гьалдиз?») [Етим 1995: 197]), выстраивает дихотомию между лирическим субъектом и покинувшим его кругом друзей. Лейтмотивом произведения становится риторический вопрос о причинах этого социального отчуждения:

*Приветствую вас сладчайшими словами,
Сердечные друзья, нельзя ли вспомнить обо мне?
Когда нищий к вам приходит с улицы,
Неужели вы не вспомните меня?*

Третья строфа выполняет функцию композиционного моста, актуализируя теологический аспект. Поэт апеллирует к всеведению Бога (Зулжалал), подчеркивая греховность забвения и предрекая неизбежность эсхатологического ответа:

*Когда таким являюсь горемыкой,
И жизнь моя в лишениях прошла,
Когда, забыв меня, вы помните других,
Что ответите вы Зулжалалу?*

Смерть или забвение друзей становится для лирического героя онтологической катастрофой, разрушающей саму ткань бытия, что выражено в строках «Приветствую вас...» [Етим 1995: 197]: «Подобна смерти разлука с вами», «В глубокую яму горя-тоски я упал». Лирический герой постоянно сталкивается с социальным отчуждением и покинутостью – друзья забывают его («Сердечные друзья...»: «Когда, забыв меня, вы помните других»), мир равнодушен к его страданиям, порождая острое чувство ненужности и вопрошание («Неужели вы не вспомните меня?»). Эта утрата обнажает брэнность человеческого существования (мира-фана), оставляя героя один на один со смертью и перед лицом Божьего суда («Сердечные друзья...»: «Что ответите вы Зулжалалу?»), придавая одиночеству метафизический характер. Оно материализуется в образах пространственной и эмоциональной стесненности: «Просторный мир стал тесен», «ясный день – пасмурен» («Приветствую вас...»), превращая мир без друзей во враждебную пустыню существования. В стихотворениях вроде «Весть отправь другу» и «Неужели я не нужен?» («За кьведай заз хкаж хьана?») одиночество осознается как участь непонятого глашатая, чьи слова о бедах мира остаются без ответа («Неужели я не нужен?»: «Плачущий, я нужен ли вам?»).

Параллельно и неразрывно с темой одиночества развивается тема деградации социума, где Эмин выступает как диагност социальных болезней. Он фиксирует глубокую эрозию морали и кризис нравственных устоев: исчезают ключевые ценности – «потеряны уважение, нравственность» («Весть отправь другу»). Мир захлестнули пороки: торжествуют зависть («Один другому завидует»), лицемерие, корысть, равнодушие к страданиям ближнего («Сердечные друзья...»: сравнение с забытым нищим). Арбен Кардаш, говоря о лирике поэта, отметил, что «Етим Эмин – поэт-философ, ратовавший за душевную и духовную чистоту людей. У него немало стихов о душе, о внутреннем мире человека... Его судьба и наследие содержит в себе много жизненных уроков и для будущих поколений» [Арбен 2018].

Поэт с горечью констатирует девальвацию знания («илим») и подлинной духовности («Весть отправь другу»), вытесняемых низменными интересами. Используя сильное выражение «развращенные народы», Эмин указывает на массовый характер нравственного падения, свидетельствующий о кризисе общества в целом. Этот социум, лишенный нравственных ориентиров, становится враждебной силой для одинокой души: «врагов уже сотни» («Весть отправь другу»). Герой ощущает себя осажденным в мире, где господствуют антигуманные законы.

Деградация проявляется и в разрушении подлинных человеческих связей, замене искренней дружбы на поверхностные отношения, что напрямую питает экзистенциальное одиночество героя.

Между одиночеством и деградацией социума существует глубокая взаимосвязь и причинно-следственная зависимость. Эмин прямо указывает, что патологии общества являются коренной причиной (этиологической основой) страданий и одиночества человека («Весть отправь другу»). Распад социальных связей и ценностей обрекает инвалида на изоляцию. Переживание героем глубокого одиночества – это не только личная драма, но и симптом общего неблагополучия, кризиса гуманизма в обществе, зеркало, отражающее болезнь целого мира. Однако Эмин намечает и пути попытки преодоления через обращение к утраченному и вечному. Вера в инобытие (потустороннее бытие) умерших друзей позволяет герою обращаться к ним («Приветствую вас...», «Хочу спросить у вас, друзья...»), ища утешения и заступничества (интерцессии) – попытка преодолеть земное одиночество через связь с миром вечным. Герой сохраняет веру, принимая страдание как божественную волю, и его просьбы к друзьям молиться за него – акт упования на высшую справедливость. Само постоянное обращение к идеалу дружбы, ее воспевание и оплакивание – это утверждение идеала в противовес реальности деградирующего социума. Поэт придавал очень большое значение дружбе вообще. В известном стихотворении «Дуьнья гургъагур» («Беспорядочный мир») [Етим 1995: 135] поэт говорит, что «друг в этом мире тот, кто, как Рабеу Салман, готов жизнь отдать за дело друга» (Яр-дустунин рекъе вичин чан гудай/Дуст гъа Рабеу Салман я дуьньяда) [Кюреви 2020: 205]. Представляя идеал дружеских отношений в стихотворении поэтом упомянут Рабеу Салман – герой мусульманских легенд, который ценой своей жизни продолжил дело своего друга, которому так был предан.

Для выражения этих тем Эмин использует мощный арсенал художественных средств. Он обращается к адекватным жанрам: элегии, плачу, газели, наиболее подходящим для выражения скорби и размышлений о бренности. Репрезентация эмотивного состояния достигается через комплекс поэтических средств. Создается особая поэтика скорби: риторические вопросы выражают недоумение, отчаяние, вопрошание к миру и Богу («Неужели вы не вспомнить?», «Как дни и ночи проводить?», «Что ответите вы?»). Метафоры и символы («Мир-фана», «яма – горя», «просторный мир стал тесен», «черное сердце», «слезы», «разлука – смерть», «друзья слаще сахара») создают плотное семантическое поле страдания, антитезу, контрастирующую между миром ушедших друзей (подразумеваемым потусторонним бытием) и миром фана (бренного существования), где герой испытывает экзистенциальную стесненность:

*Приветствую вас от всей души, мои сердечные друзья.
Подобна смерти разлука с вами, слаще сахара друзья...
Горюя в мире-фана, как дни и ночи проводить?
Просторный мир стал тесен, ясный день – пасмурен, друзья.
Когда, покинув мир, вы удалились от меня,
В глубокую яму горя-тоски я упал, друзья».*

Суфийский подтекст принципиально важен: обращение к умершим друзьям легитимизируется верой в их инобытие («в доме дорогом Ислама» – в раю). Герой просит их заступничества (интерцессии) перед Аллахом, принимая свою участь как божественную волю, но не в силах преодолеть скорбь:

*Хочу спросить у вас, друзья: в доме дорогом Ислама (в раю)
Неужели никогда не вспомните одержимого Эмина?*

Стилистические особенности включают тематический параллелизм и вариативность мысли в строфах, характерные для Эмина лексические удвоения (биномы): «салам-дуъа» («привет-благопожелание»), «гъам-хажалат» («горетоска»), «хийир-дуъа» («благословление-молитва»), а также антитетические конструкции: «йикъар-йифер» («дни-ночи»), «ачух дуънья хъана дар» («просторный мир стал тесен»), «алахъай югъ – серин» («ясный день – пасмурен»). Тема дружбы получает дальнейшее развитие в газели «Весть отправь другу» («Са хабар це дустуниз») [Етим 1995: 189]. Восстановленный в сборнике 1995 года полный текст демонстрирует богатую формальную организацию: метрическая схема (15-сложный стих с цезурой после 4-го слога), реди́ф (повторяющаяся фраза в конце строки «са хабар це дустуниз» – «весть отправь другу» – 7-сложный), рифмовка (первое двустишие – смежная рифма «дердерикай – вилерикай», последующие четные строки – дактилическая предреди́фная рифма (напр., «вахтара», «ц1раз», «илим», «вишерал», «гъамарикай»), финал усилен внутренней рифмой («я, рик1 зайиф я») и синтаксический параллелизм в первом дистихе:

*Стха, на зи дердерикай са хабар це дустуниз,
На зи сефилвилерикай са хабар це дустуниз.*

*Брат, о горестях моих весть отправь другу,
О печалях ты моих весть отправь другу).*

Лексикографический анализ слова «сефилвилерикай» («о печалях» / «о печальных глазах») указывает на возможный авторский вариант отдельного написания («сефил вилерикай»). Эта гипотеза подкрепляется созданием визуального образа «печальных глаз», соответствием ритмическому паттерну (цезура на 4-м слоге совпадает с границами слов), отсутствием слова «сефилвилер» в других текстах Эмина и отдельным употреблением компонентов «вилер» (глаза) и «сефил» (печальный) в других строфах газели.

Семантическое развитие текста в дистихе 2 конкретизирует причину скорби – физическую разлуку с другом и ее темпоральную протяженность («много времени в разлуке»), используя метафору слез: «Когда со мной расстался друг и много времени в разлуке, / О слезах, из глаз текущих, весть отправь другу». Дистих 3 усиливает мотив интериоризации страдания («в сердце черно»), душевного увядания («я таю») и социального унижения («обездоленных»): «Днем и ночью в сердце черно, став грустным, я таю, / О днях обездоленных моих весть отправь другу».

Дистих 4 осуществляет переход на макросоциальный уровень, где поэт диагностирует глубокий кризис общества: торжество зависти («Один другому завидует»), эрозию моральных устоев («потеряны уважение, нравственность»), девальвацию знания («науки») и нравственную деградацию масс («развращенные народы»): «Один другому завидует, потеряны уважение, нравственность, науки. / О развращенных народах весть отправь другу». Финальные дистихи возвращают к личному плану через кольцевую композицию, подчеркивая множественность врагов и физико-душевное истощение героя («Грустен я, ослабло сердце»), идентифицируя его с поэтом («Эмина горьких слезах»):

*Что теперь мы будем делать – врагов уже сотни,
О выпавших нам горестных днях-ночах весть отправь другу
Грустен я, ослабло сердце, о скорби раба грешного,
Об Эмина горьких слезах весть отправь другу».*

В отличие от стихотворения «Сердечные друзья...», где присутствует открытое противопоставление героя забывшим его друзьям, в газели «Весть отправь другу» дихотомия выражена иначе. Лирический субъект предстает прежде всего как жертва, «истерзанный» и «измученный» одиночеством и несправедливостью мира. Однако социокультурная критика, содержащаяся в четвертом дистихе, является ключом к пониманию этиологической основы его страданий. Эмин прямо указывает на патологии современного ему социума («деградация морали», «утрата знаний», «всеобщая зависть») как на коренную причину человеческой драмы. Элегический тон обоих произведений, усиленный повторяющимися структурами, богатой звукописью и системой образов, связанных со смертью, забвением, слезами и сужением мира, формирует устойчивое семантическое поле скорби, отражающее экзистенциальную травму поэта перед лицом утраты идеала дружбы и кризиса гуманистических ценностей в окружающей действительности. Творчество Эмина выступает как рефлексия над хрупкостью человеческих связей и брэнностью земного существования в контексте суфийского мировидения и традиций восточной лирической поэзии.

Навязчивый ритм скорби создается редифом и повторами ключевых фраз («весть отправь другу», обращения «друзья»), подчеркивая неразрешимость проблемы. Контрастные эпитеты («Сердечные друзья» / «развращенные народы», «сладчайшие слова» / «горькие слезы») усиливают трагическое напряжение.

Заключение

Таким образом, тема экзистенциального одиночества и деградации социума является смысловым нервом лирики Етима Эмина. Его герой – трагическая фигура, раздавленная двойным бременем онтологической покинутости в брэнном мире («фана») и нравственного распада окружающего общества. Одиночество предстает как уделом человека в эпоху утраты духовных ориентиров и подлинных связей. Критика социума у Эмина – это глубоко переживаемая боль за разрушение основ человеческого общежития и духовности. Его поэзия становится реквиемом по утраченной гармонии и идеалу дружбы, и одновременно – актом

духовного сопротивления через веру, память и верность высшим ценностям среди руин социума и пустыни одиночества, оставаясь мощным гуманистическим свидетельством и философской рефлексией о трагических аспектах человеческого удела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арбен 2018 – *Арбен Кардаш*. Величие Етима Эмина // Литературная Россия. – № 208/37. – 12.10.2018. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://litrossia.ru/item/velichie-etima-jemina/?ysclid=mcpyafajpq866899734>. Дата обращения: 05.07.2025 г.

Етим 1995 – *Етим Эмин*. Не нагяжусь на мир... – Махачкала, 1995. (на лезг. яз.).

Кюреви 2020 – *Кюреви Мансур*. Этим Эмин (1840-1880). – М.: Азбука-2020, 2020. – 335 с.

REFERENCES

ARBEN KARDASH. *Velichie Etima Emina* [The greatness of Etim Emin]. In: Literaturnaya Rossiya. – № 208/37. – 12.10.2018. Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: <https://litrossia.ru/item/velichie-etima-jemina/?ysclid=mcpyafajpq866899734>. Data obrashcheniya: 05.07.2025 g. (In Russ.).

ETIM EMIN. *Ne naglyazhus' na mir...* [I can't get enough of the world...]. – Makhachkala, 1995. (na lezg. yaz.).

KYUREVI MANSUR. *Etim Emin (1840-1880)* [Etim Emin (1840-1880)]. – M.: Azbuka-2020, 2020. – 335 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Р.Г. Кадимов – доктор филологических наук, профессор.

З.Н. Чукуева – доктор филологических наук, профессор.

Information about the authors

R.G. Kadimov – Doctor of Science (Philology), professor.

Z.N. Chukueva – Doctor of Science (Philology), professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 10.07.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 27.09.2025.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 27.09.2025.